

Болтая вечером с Цзыцзянем, Ся Чэнь вспомнил о своих сегодняшних успехах и вдруг любопытствовал:

— Цзыцзянь, а какие фрукты тебе больше всего по душе?

На его чудо-растении созрело восемь плодов, и все — разные. Судя по виду, там были яблоко, клубника, апельсин, вишня, личи, виноград и персик — сочные, сладкие и ароматные.

Ся Чэнь ради шутки дал мутировавшим плодам весьма экстравагантные названия. Яблочный, к примеру, окрестил «Прысни яблочной кровью в лицо», а остальные переименовал на тот же манер.

Как-то он поинтересовался у Ся Тунбаня, почему среди них нет киви — сам-то он этот фрукт очень любил. На что Тунбань резонно заметил:

[Слишком уродливый. Не подходит для героини Мэри Сью.]

Ся Чэнь тогда лишь лишился дара речи. Бедный киви, за что с ним так сурово?

Мысленно вернувшись к разговору с Цзыцзянем, он решил все же разузнать о его предпочтениях.

— С чего вдруг такие расспросы? — отозвался Цзыцзянь. На мгновение он задумался, а затем ответил: — Пожалуй, вишня.

— О? Надо же, вишня? — удивился Ся Чэнь.

Ему казалось, что к вишне больше равнодушны девушки. Цзыцзянь, хоть и общался с ним всегда мягко и тепло, по натуре казался человеком довольно холодным и отстраненным. И то, что его любимым лакомством оказалась простая вишня, добавляло его образу какого-то неожиданного, почти милого очарования.

— Красные, круглые ягоды... они очень красиво смотрятся, — с тихой улыбкой пояснил Цзыцзянь и тут же спросил в ответ: — А тебе, Юаньбао, что по вкусу?

Ся Чэнь замер. До него вдруг дошло: Цзыцзянь ведь слеп. Он любит вишню вовсе не за сладость, а потому, что когда-то запомнил, как прекрасны эти россыпи алых ягод? На сердце у юноши мгновенно защемило от жалости.

— Юаньбао?

— А?! Да я... я много чего люблю, — поспешно встрепенулся он. — Но больше всего, пожалуй, апельсины.

Ся Чэнь не жаловал приторную сладость, предпочитая фрукты с легкой кислинкой и обилием освежающего сока.

— В одном из поместий, что оставила мне матушка, растут потрясающие сладкие апельсины. Вкус у них невероятный, — подхватил Цзыцзянь. — Приезжай в Императорскую столицу, я обязательно тебя угощу. Или просто назови мне свой адрес, и я велю отправить тебе корзину-другую, идет?

Опять он за свое. Ся Чэнь тихо вздохнул, и на губах его появилась невольная улыбка. Все эти годы Цзыцзянь без устали зазывал его в столицу, а получая отказ, пытался хоть окольными путями выведать, где тот живет.

Будь Ся Чэнь совсем один, он, возможно, и открылся бы другу — за столько лет общения Цзыцзянь доказал свою надежность. Но здесь, в глуши, у него была семья. Юноша не смел рисковать. Слишком много тайн он скрывал в себе, и любая оплошность могла обернуться бедой для его близких. Ставить на кон их безопасность он не собирался.

— Снова пытаешься выманить меня из норы, — проворчал Ся Чэнь. Намерения собеседника были столь очевидны, что оба лишь посмеивались над этой игрой. — Наберись терпения, Цзыцзянь. Наставник говорит, что у меня есть все шансы сдать экзамен на степень цзюйжэня. Так что в Императорскую столицу я рано или поздно приеду, и уж тогда мы точно встретимся.

Очередная попытка выведать секрет провалилась, но Цзыцзянь не расстроился и послушно сменил тему:

— И как успехи в учебе? Готов к испытаниям?

— В целом неплохо. Уездный экзамен сдам наверняка, на окружном — если повезет — тоже покажу достойный результат. Ну а на уровне провинции... скажем так, главное — участие, — невозмутимо ответил Ся Чэнь.

До своего переселения он зачитывался романами о чиновниках, где главные герои пачками сдавали экзамены на высшие баллы, в свои семнадцать-восемнадцать лет становились первыми учеными страны, щеголяли по улицам на статных конях и в придачу женились на принцессах. Но столкнувшись с суровой реальностью древнего образования лицом к лицу, Ся Чэнь осознал: читать о чужих триумфах куда приятнее, чем зубрить самому. На деле это оказалось адским трудом.

Звание шэньюаня — лишь первая, самая ничтожная ступень. Ся Чэнь усердно корпел над книгами четыре года, но до сих пор не был уверен в успехе. В его прошлой жизни у любого экзамена существовали четкие стандарты и правильные ответы. Даже в программировании все подчинялось логике кода. А вот древняя китайская словесность была вещью крайне субъективной. Из-за личных причуд экзаменатора два человека с абсолютно одинаковыми знаниями могли получить совершенно противоположные оценки: один проходил, другой оставался ни с чем.

К тому же Ся Чэнь в прошлой жизни был чистым технарем и занимался программированием — делом абсолютно бесполезным в древнем мире. Его единственным увлечением когда-то была художественная литература. Теперь же ему приходилось писать пространные трактаты на туманные темы, которые поставили бы в тупик даже их авторов. Лишь под строгим руководством наставника Мэна он за эти годы хоть немного набил руку. И при этом постоянно приходилось следить за собой, чтобы в порыве вдохновения случайно не ввернуть в эссе идеи из двадцать первого века.

Потому к предстоящему испытанию Ся Чэнь относится философски. Как к пробному тесту. Наставник Мэн так и сказал: сейчас нужно просто прочувствовать атмосферу, а уж в следующий раз шансы на победу будут куда выше.

Цзыцзянь не ожидал от него такой рассудительности. По правде говоря, он считал, что его маленькому обманщику совершенно не место на чиновничьей службе. Через несколько лет этот мир захлестнет хаос войны и смуты. Чтобы уцелеть в грядущие темные времена, книжникам понадобятся не только знания, но и крепкий дух, чистая совесть и львиная отвага — лишь тогда праведная сила сможет защитить их от скверны и нечисти. Совесть у его маленького друга была чиста, а вот отвага... Этот трусишка при малейшем шорохе готов был спрятаться под одеяло. Такие неженки в эпоху катастроф долго не живут.

Но сказать об этом прямо Вэнь Шу не мог. Как объяснить юноше, почему тот должен бросить учебу? Да и если тот откажется от экзаменов, как тогда Вэнь Шу сможет его отыскать? Этот глупый, трусливый, доверчивый и мягкосердечный мальчишка ухитрялся проявлять удивительное упрямство во всем, что касалось его планов. Как бы Вэнь Шу ни хитрил, как бы ни пытался выведать правду, он узнал лишь крупницы сведений, а точное свое местонахождение хитрый лис оберегал свято.

Они перекинулись еще парой пустяковых фраз. Заметив, что лепестки цветка начали бледнеть — верный знак того, что магическая энергия на исходе, — друзья тепло распрощались и прервали связь.

Императорская столица

Вэнь Шу бережно опустил цветочный горшок на небольшой столик у изголовья постели и негромко позвал слугу:

— Чжэлю, войди.

Когда юноша переступил порог, хозяин распорядился:

— Помнится, в нашем имении у подножия горы Цяньшань отлично прижились сладкие апельсины. Отправь туда надежного человека. Пусть велит садовникам ухаживать за деревьями с особым тщанием, и пусть посадят еще несколько саженцев, лишним не будет.

— Будет исполнено, молодой господин, — склонился в поклоне Чжэлю.

Однако, получив приказание, слуга не спешил уходить. Он переминался с ноги на ногу, явно собираясь сказать что-то еще.

Вэнь Шу холодно прищурился:

— Говори, раз пришел.

Чжэлю помедлил, но все же решился:

— Сегодня из поместья Анпинь-хоу снова присылали людей. Вы отказались их принять... Но завтра ведь день поминаения покойной госпожи. Хозяин передал, что пришлет за вами экипаж, дабы забрать вас с горы...

Вэнь Шу промолчал. Чжэлю из лучших побуждений раз за разом заводил этот разговор. Слуга видел, что его господин взрослеет, в то время как в поместье Динго-гуна его давно списали со счетов и обращались как с мертвецом — за последние два года оттуда не прислали ни единой медной монеты. Парень всерьез опасался, что хозяина лишат законного наследства, и надеялся, что тот найдет поддержку у родственников по материнской линии.

В своей прошлой жизни в это самое время Вэнь Шу действительно не жил в главном поместье Динго-гуна. Однако тогда он странствовал по стране, обучаясь у известнейших ученых мужей своего времени, так что его права на титул и наследство оставались незыблемыми.

В этой же жизни он уже пять лет вел затворническую, скрытую от чужих глаз жизнь в глухой хижине на заднем склоне храма Баочэн. Имя законного наследника рода Вэнь постепенно стерлось из памяти столичной знати, оставив лишь смутные слухи о чахлом, болезненном юноше, который увядает где-то в глуши.

Вэнь Шу прекрасно знал, какой кошмар ждет этот мир впереди. Все титулы, богатства и амбиции, которые сейчас казались столь важными, скоро превратятся в прах. Но Чжэлю этого знать не мог, оттого и изводил себя тревогами о призрачном будущем своего господина.

Вэнь Шу погрузился в раздумья. Он молчал не потому, что взвешивал советы слуги. Его занимало другое: в этой жизни многие события развивались совсем не так, как он помнил.

В его прошлом воплощении император Шэньюань отрекся от престола, когда Вэнь Шу исполнилось тринадцать лет. В этой же жизни отречение запоздало на целый год. Из-за этого сместилось все летосчисление: сейчас должен был идти пятый год эры Сиюань, однако на дворе стоял лишь четвертый.

Более того, в последние годы повсюду начали появляться невиданные ранее высокоурожайные культуры, о которых в прошлой жизни никто и не слыхивал. Тогда, во времена великого голода, когда земля горела под ногами, а крестьяне бежали от войны, миллионы людей погибли просто потому, что им нечего было есть.

Вэнь Шу пытался докопаться до истины. Пытаясь выяснить, откуда взялись эти чудесные злаки, он, минуя собственные изменения в судьбе рода Вэнь, наткнулся на след Генеральского поместья.

Тот невероятный сорт риса, с которого все началось, императорскому двору преподнес именно клан Фу. Ходили слухи, будто колосья случайно обнаружил один из простых солдат генерала Фу Ишаня, но имя счастливчика держалось в строжайшем секрете. Вэнь Шу не утруждал себя созданием сети шпионов — ведь в день, когда мертвецы поднимутся из могил, любые слуги превратятся в ходячие трупы, — поэтому его расследование зашло в тупик на пороге генеральского дома.

Однако новые сорта проса и пшеницы, хоть их и представило ведомство великого синода, по глубокому убеждению Вэнь Шу, тоже имели отношение к семье Фу. Он всерьез подозревал, что в том поместье скрывается еще один человек, знающий будущее.

И его главным подозреваемым был Фу Чжэнь, второй молодой господин клана Фу.

В прошлой жизни в это самое время Фу Чжэнь давно погиб на поле боя. Из четырех сыновей генерала Фу Ишаня уцелел лишь самый младший — Фу Чжань, которому пришлось взять в руки оружие вслед за павшим братом.

Вэнь Шу больше трех лет сражался плечом к плечу с Фу Чжанем, они были братьями по оружию, делившими жизнь и смерть. Обратившись в нетленный труп бухуагу, Вэнь Шу пытался отыскать старого друга, но узнал, что тот давно пал. После начала великой смуты в Генеральском поместье остались лишь покалеченный дядя Фу Чжаня да женщины с детьми. Несмотря на защиту преданных гвардейцев, многие из которых тоже были инвалидами, они не смогли сдержать натиск тварей.

Поговаривали, что Фу Чжань погиб по дороге на юг, пытаясь отыскать кого-то важного. Вэнь Шу знал, кого именно тот искал — своего названного брата и возлюбленного, с которым рос с малых лет. Тот юноша был мальчиком, но пока старшие братья Фу были живы, семья не препятствовала их союзу и даже позволила им заключить названный брак. После того как семья

того юноши разорилась, его и вовсе забрали в Генеральское поместье, где он прожил несколько лет.

Но когда старшие братья Фу один за другим пали в битвах, не оставив после себя наследников мужского пола, старая госпожа и мать Фу Чжаня силой заставили младшего сына жениться на знатной деве. Его не пускали на передовую, пока молодая супруга не понесла. В день свадьбы его названный супруг отрезал свои длинные волосы и ушел в монастырь, приняв постриг.

В этой же жизни все пошло иначе. Фу Чжэнь остался жив, хотя его супруга снова разродилась девочкой.

До Вэнь Шу доходили слухи, что в Генеральском поместье повсюду ищут невесту для Фу Чжаня. Ведь его второй брат вот-вот должен был отправиться на границу, и никто не знал, вернется ли он живым. Похоже, названому братишке Фу Чжаня вновь суждено стать послушником в глухом храме.

Сам Вэнь Шу никогда не понял бы такого поступка. Будь у него тот, кто дорог сердцу, он ни за что на свете не позволил бы отнять его или выдать себя за другого, обрекая обоих на вечную разлуку до самой гробовой доски.

Но он не был Фу Чжанем. За две жизни Вэнь Шу так и не встретил никого, ради кого стоило бы умереть или жить... Разве что его маленький обманщик из волшебного цветка занимал особое место в его мыслях. По крайней мере, общаясь с ним, Вэнь Шу чувствовал себя человеком.

Долгие годы безжалостного посмертия, когда его разум туманил вечный голод, стерли в нем почти всю человечность. Лишь за эти тихие годы уединенной медитации и ежедневной болтовни с маленьким дурачком он вновь начал походить на живого.

Хотя сам Вэнь Шу прекрасно знал: его сердце давно остыло.

Системное пространство

В это время Ся Чэнь увлеченно листал страницы виртуального магазина:

— Тунбань-эр, а подкинь-ка мне семена черешни в ежедневное обновление.

Раз уж Цзыцзянь так любит сочную спелую вишню, то и от сладкой крупной черешни он наверняка будет в восторге. Юноша решил вырастить ее заранее, чтобы при первой встрече преподнести другу царский подарок.

Ся Тунбань, словно прочитав его мысли, отозвался безжалостным системным оповещением:

[Он все равно слеп. Твои труды напрасны.]

Ся Чэнь недовольно нахмурился. Ему не понравилось, с какой легкостью система обесценила его порыв. Даже если Цзыцзянь никогда не увидит эти ягоды, важна ведь сама забота!

Однако Тунбань вдруг резко сменил тему:

[Он тебе нравится?]

— Чего?! — Ся Чэнь невольно рассмеялся. — Ты о чем вообще? Мы просто друзья. Как мне может нравиться человек, которого я даже в глаза не видел?

[Но ты специально для него выращиваешь редкие фрукты,] — бесстрастно констатировал Тунбань. — [Для обычных друзей так не стараются.]

— Да с чего бы это? Я вот стараюсь, — упрямо возразил Ся Чэнь.

[Ты ни разу не выращивал ничего особенного для своей семьи. И для твоего друга Сюй Хэлая тоже ничего специально не сажал. Твое отношение к нему — исключительное.]

Юноша растерялся. Ну... Цзыцзянь ведь лишен зрения, разве можно не сопереживать ему? Своих домашних Ся Чэнь и так закармливал всем, что созревало на его грядках: они ели все подряд и без капризов, так что не было нужды сажать что-то индивидуально.

А Сюй Хэлай — этот покладистый молодой даос радовался любому гостинцу и никогда не выказывал особых предпочтений, вот Ся Чэнь и не утруждал себя лишними заботами.

Но слова Тунбана заставили его задуматься. Неужели его поведение действительно выглядело странно со стороны?

«Нет-нет-нет, чепуха какая-то!» — Ся Чэнь тряхнул головой, прогоняя наваждение. Нельзя позволять этой железке пудрить себе мозги. Их общение с Цзыцзянем — чистейшая дружеская привязанность двух родственных душ, благородный союз, лишенный всякой пошлости. Система явно пересмотрела любовных романов, пора бы ей почистить кэш памяти.

В конце концов, сам Ся Чэнь спал и видел, как однажды женится на кроткой, прекрасной и благовоспитанной барышне из хорошей древней семьи!

<http://bllate.org/book/18260/1760678>